

ОБЪЕДИНЕННАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ТУРЦИИ (UNITED COMMUNIST PARTY OF TURKEY) и ДРУГИЕ против ТУРЦИИ¹

Судебное решение от 30 января 1998 г.

(Application no. 19392/92)

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

С момента основания Объединенной Коммунистической Партии Турции (ОКПТ) в 1990 г. правительство стремилось ликвидировать ее по нескольким соображениям. В частности, правительство полагало, что партия пытается добиться доминирования одного социального класса над другими, провозглашает себя преемником ранее ликвидированной политической партии, незаконно включает в свое название слово «коммунистическая», и нарушает территориальную целостность государства. Национальные суды Турции вынесли решение о ликвидации ОКПТ, вследствие чего руководителям ОКПТ было запрещено заниматься аналогичной деятельностью в составе любой другой политической группы.

В. Решение Суда

Европейский Суд решил, что политические партии являются одной из форм объединения, необходимых для надлежащего функционирования демократии и подпадающих под действие ст.11 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Хотя вмешательство правительства в деятельность ОКПТ было предусмотрено законом и направлено на достижение правомерной цели (защита национальной безопасности), оно не было «необходимым в демократическом обществе» поскольку:

- ОКПТ была ликвидирована исключительно на основании своего устава и программы, еще до того, как она смогла начать деятельность;
- Выбор названия Объединенной Коммунистической Партии Турции не может в принципе оправдать такую радикальную меру как ликвидация в отсутствие других конкретных доказательств того, что выбор названия представляет реальную угрозу обществу и государству;
- Не существовало оснований препятствовать существованию политической группы исключительно из-за того, что она намеревалась публично обсуждать положение определенного сегмента населения, а именно курдов;
- Не существовало доказательств того, что ОКПТ несет ответственность за проблемы терроризма в Турции.

Исход дела: Имело место нарушение ст.11 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 11 Конвенции

18. Заявители утверждали, что роспуск Объединенной Коммунистической Партии Турции

¹ *Источник:* Неофициальный перевод Международного Центра Некоммерческого Права, 2008

(Türkiye Birleşik Komünist Partisi), а также запрещение для ее руководителей — г-на Саргина и г-на Ягчи (Mr. Sargin и Mr. Yagci) - занимать подобные посты в каких-либо других политических партиях являются нарушением их права на свободу объединения, гарантируемого ст.11 Конвенции...

А. ПРИМЕНИМОСТЬ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

1. Аргументы сторон

(a) Правительство

19. Правительство заявляет, что ст.11 в любом случае не может применяться по отношению к политическим партиям. В случае, если в своем уставе или программе партия посягает на конституционный порядок государства, Суд должен вынести решение о неприменимости Конвенции *ratione materiae* или применить ст.17 вместо ст.11.

Даже беглое изучение Конвенции показывает, что ни ст.11, ни какая-либо другая статья не содержат упоминаний о политических партиях или ссылок на конституционные структуры государств. Важно отметить, что упоминание о политических объединениях содержится только в Протоколе № 1 (ст. 3), и не предусматривает никаких прав физических лиц, так как лишь перечисляет обязательства государств, в целом.

В отличие от других форм объединения, рассматриваемых в национальных конституциях в качестве проявления свободы объединения, нормы, касающиеся политических партий, обычно находятся в той части, которая относится к основным конституционным структурам. Так, например, обстоит дело в Германии, Дании, Испании, Франции, Италии и Греции.

20. Устав и программа ОКПТ явно несовместимы с основными конституционными принципами Турции. Выбрав для себя название «коммунистическая», ОКПТ в силу этого ссылалась на подрывную доктрину и тоталитарную политическую цель, подрывающую политическое и территориальное единство Турции, и подвергала опасности основополагающие принципы публичного права страны, такие как принцип секуляризма. «Коммунизм» неизбежно предполагает захват власти и ставит задачей установление такого политического порядка, который недопустим не только в Турции, но и в других государствах-членах Совета Европы. Кроме того, использование определенных названий было также запрещено в других правовых системах на Западе. В этом отношении правительство ссылалось на конституции таких стран, как Германия, Польша и Португалия. В любом случае, независимо от намерений ОКПТ и ее лидеров при выборе названия «Коммунистическая» в 1990 г. (после падения Берлинской стены), данное название не могло, по мнению правительства, быть лишено политического смысла.

21. Более того, если бы ОКПТ смогла достичь своих политических целей, национальная и политическая целостность Турции была бы серьезно подорвана. Обозначив в своем уставе и программе различие между турками и курдами, ссылаясь на «национальную» идентичность курдов, предлагая конституционно признать «существование курдов», называя курдов «нацией» и заявляя об их праве на самоопределение, ОКПТ способствовала появлению раскола, который разрушил бы основы гражданства, не зависящего от этнического происхождения. Так как это было равносильно оспариванию принципов, являющихся основой государства, Конституционный Суд должен был рассмотреть конституционность данной политической цели. При этом он придерживался линии, принятой Конституционным Судом Германии в решении от 31 октября 1991 г. о праве иностранных граждан на участие в выборах в органы местного самоуправления, а также Конституционным Советом Франции в решении от 9 мая 1991 г. о статусе Корсики.

Согласно доводам, представленным правительством, государства-участники Конвенции ни на какой стадии не намеревались представлять свои конституционные институты, и, в частности, принципы, которые они считали неотъемлемыми условиями своего существования, на рассмотрение Страсбургских институтов. По этой причине, если политическая партия, такая как ОКПТ, подвергла сомнению такие институты и принципы, она не может требовать применения Конвенции или Протоколов.

В крайнем случае, в отношении ОКПТ следует применить ст.17 Конвенции, так как партия подвергла сомнению как основы Конвенции, так и свободы, гарантируемые ею. В этой связи, правительство сослалось на решения Комиссии по делам Глиммервеен и Хагенбеек против Нидерландов (*Glimmerveen and Hagenbeek v. Netherlands*) (заявление №8348/78 и №8406/78, D.R. 18, с. 187); Кюннен против Германии (*Kühnen v. Germany*) (заявление №12194/86, D.R. 56, с. 205); Н., В., Р. и К. против Австрии (*H., W., P. and K. v. Austria*) (заявление №12774/87, D.R. 62, с. 216); и Ремер против Германии (*Remer v. Germany*) (заявление №25096/94, D.R. 82-A, с.117). В условиях жесточайшего терроризма, в которых находилась Турция, необходимость предотвращения злоупотребления Конвенцией путем применения ст.17 была тем более очевидной, что власти Турции были вынуждены запретить использование «выражений» и создание «объединений», которые бы неизбежно подстрекали к насилию и вражде между различными группами общества Турции.

(b) Заявители

22. Заявители утверждали, что политические партии, несомненно, подпадают под действие ст.11. Они указали, что сфера действия Конвенции не может быть ограничена рамками Конституции Турции. Внутреннее законодательство должно толковаться в свете Конвенции, а не наоборот.

(c) Комиссия

23. Комиссия выразила мнение, что в тексте ст.11 не содержится ничего, что ограничивало бы сферу ее действия особой формой объединения или группы или предполагало бы, что она не распространяется на политические партии. Напротив, если рассматривать ст.11 Конвенции как юридическую гарантию, которая обеспечивает надлежащее функционирование демократии, то политические партии представляют одну из наиболее важных форм объединения, защиту которых она предусматривает. В этой связи Комиссия упомянула целый ряд решений, в которых она рассмотрела в соответствии со ст.11 различные ограничения деятельности политических партий и даже роспуск таких партий, тем самым, подтверждая, что ст.11 применяется к этому типу объединения (см. дело *Коммунистической партии Германии*, заявление №250/57, Yearbook, т. 1, с. 222; *Греческое дело*, Yearbook, т. 12, с.170, § 392; дело *Франция, Норвегия, Дания, Швеция и Нидерланды против Турции*, заявления № 9940-9944/82, D.R. 35, с.143).

Во время разбирательства в Суде представитель Комиссии также заявил, что не было необходимости применять ст.17 Конвенции, поскольку рассматриваемое дело явно отличается от тех редких случаев, в которых Комиссия прибегала к данному положению. В таких случаях, цель оскорбительных действий заявителей заключалась в пропаганде насилия (см. упомянутое выше решение по делу *Коммунистической партии Германии*) или вражды (см. упомянутое выше решение по делу *Ремера*). Напротив, ни устав ОКПТ, ни ее программа не содержали ничего, что указывало бы на то, что эта партия не является демократической, или что она использует незаконные или недемократические методы, пропагандирует использование насилия, стремится подорвать демократическую и плюралистическую политическую систему Турции или преследует цели, которые имеют расистский характер или потенциально угрожают ликвидацией прав и свобод других лиц.

2. Оценка суда

24. Суд полагает, что в тексте ст.11 Конвенции содержится первоначальное указание на то, могут ли политические партии пользоваться положениями данной статьи. [Суд] отмечает, что, хотя ст.11 говорит о «свободе объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы...», союзное слово «включая» ясно указывает, что профсоюзы являются лишь одним из многих других примеров возможных форм осуществления права на свободу ассоциаций. Таким образом, не представляется возможным делать вывод, как это сделало правительство, что, сославшись на профсоюзы – по причинам, главным образом, имевшим отношение к актуальным в то время вопросам, – разработчики Конвенции стремились исключить политические партии из сферы действия ст.11.

25. Однако еще более убедительным, чем текст ст.11, Суд счел тот факт, что политические партии являются формой объединения, имеющей существенное значение для нормального функционирования демократии. В свете важности демократических процессов для конвенционной системы (см. ниже п. 45), политические партии, несомненно, подпадают под действие ст.11 Конвенции.

26. Что касается утверждения правительства о том, что ОКПТ подвергала сомнению конституционный порядок Турции, и выводы, основанные на этом факте, следует в самом начале сказать, что на этой стадии Суд не должен выносить решения по поводу истинности данного утверждения или его обоснованности только на основании устава и программы данной партии. Суд в этой связи ссылается на свои замечания о необходимости оспариваемого вмешательства (см. ниже пп. 42-47).

27. Суд отмечает, с другой стороны, что объединение, включая политическую партию, не может быть лишено защиты Конвенции просто потому, что его деятельность, по мнению властей, подрывает конституционные структуры государства и требует наложения на нее ограничений. Как указывал Суд в прошлом, хотя, в целом, местные власти вольны предпринимать такие действия, которые они считают необходимым для соблюдения принципа верховенства права или для реализации конституционных прав, они должны делать это в соответствии со своими обязательствами по Конвенции, и эти действия могут быть предметом проверки, осуществляемой конвенционными органами (см. решение суда по делу Оупен Дор и Даблин Велл Вуман против Ирландии (*Open Door and Dublin Well Woman v. Ireland*) от 29 октября 1992 г., серия А № 246-А, стр. 29, § 69).

28. В Преамбуле к Конвенции есть ссылка на «общее наследие политических традиций, идеалов, свободу и верховенство права» (см. ниже п. 45), первым воплощением чего и являются национальные конституции. С помощью созданной ею системы коллективного обеспечения реализации прав (см. решение по делу Лоизидоу против Турции (*Loizidou v. Turkey*) от 23 марта 1995 г. (предварительные возражения), серия А № 310, с. 26, п. 70), Конвенция, на основе принципа субсидиарности укрепляет защиту, обеспечиваемую на национальном уровне, но никогда не ограничивает ее (ст. 60 Конвенции).

29. Более того, Суд указывает на то, что ст.1 Конвенции требует со стороны государств «обеспечения каждому, находящемуся под их юрисдикцией, прав и свобод, определенных в разделе I настоящей Конвенции». Данное положение разграничивает сферу Конвенции *ratione personae, materiae u loci* (см. решение Суда по делу Ирландия против Соединенного Королевства (*Ireland v. The United Kingdom*) от 18 января 1978 г., серия А № 25, стр. 90, § 238). Она не устанавливает различия между типами правила или меры и не

освобождает какую-либо часть «юрисдикции государств-членов» от контроля за соблюдением Конвенции.

30. Политическое и институциональное устройство государств-членов должно соответственно уважать права и принципы, закрепленные в Конвенции. В данном контексте не имеет большого значения, являются ли соответствующие положения конституционными (см., например, решение по делу Гитонас и другие против Греции (*Gitonas and Others v. Greece*) от 1 июля 1997 г., Доклады Решений и Постановлений 1997-IV) или только законодательными (см., например, дело *Mathieu-Mohin and Clerfaut v. Belgium* от 2 марта 1987 г., серии А № 113). Как только эти нормы становятся средством, используемым данным государством для осуществления своей юрисдикции, они должны быть проверены на соответствие Конвенции.

31. Более того, в некоторых случаях попытки провести различия между тем, что формирует часть государственных институциональных структур, и тем, что относится строго к фундаментальным правам, могут быть затруднительными и даже искусственным при рассмотрении дела Судом. Это особенно относится к такому приказу о роспуске, который фигурирует в данном деле. В свете роли политических партий (см. выше п. 25) подобные меры влияют как на свободу ассоциаций, так и на демократию в данном государстве в целом.

32. Из этого, тем не менее, не следует, что власти того государства, в котором объединение своей деятельностью угрожает основам государства, лишены права защищать эти основы. В этой связи Суд указывает на то, что определенный компромисс между требованиями защиты демократического общества и личности изначально присущ конвенционной системе (см., *mutatis mutandis*, решение по делу Класс и другие против Германии (*Klass and Others v. Germany*) от 6 сентября 1978 г., А № 28, стр. 28, § 59). Для этого вида вмешательства должен быть найден компромисс с властями в соответствии с п.2 ст.11 Конвенции, что рассматривается Судом ниже (см. п. 37 и следующий). Только после такой проверки Суд сможет вынести решение, на основании всех обстоятельств дела о том, применима ли ст.17 Конвенции.

33. В ходе разбирательства в Комиссии правительство также заявило альтернативную позицию, о том, что, хотя ст.11 гарантирует свободу создания объединений, она не защищает их от ликвидации.

Комиссия приняла точку зрения, что свобода объединения не только дает право создавать политическую партию, но и гарантирует ей право на политическую деятельность после создания.

Суд напоминает, что Конвенция гарантирует права, которые являются не теоретическими или иллюзорными, но практическими и эффективными (см. среди прочих источников, решение по делу Артико против Италии (*Artico v. Italy*) от 13 мая 1980 г., А № 37, стр. 16, § 33, и решение по упомянутому выше делу Лоизидоу против Турции, стр. 27, § 72). Право, гарантируемое ст.11, являлось бы преимущественно теоретическим и иллюзорным, если бы оно ограничивалось только созданием объединения, поскольку власти страны могли бы немедленно распустить объединение без необходимости соблюдать Конвенцию. Следовательно, защита, предоставляемая ст.11, должна быть обеспечена в течение всего времени существования объединения, и поэтому роспуск объединения властями страны должен удовлетворять требованиям части 2 данного положения (см. ниже пп.35-47).

34. Следовательно, ст.11 применима к фактам данного дела.

В. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

1. Наличие вмешательства

35. При разбирательстве в Комиссии правительство заявило, что роспуск ОКПТ не является вмешательством в право г-на Саргина и г-на Ягчи на свободу объединения. Тем не менее, данный довод не был приведен в Суде.

36. Так же как и Комиссия, Суд заключил, что факт вмешательства в данное право по отношению ко всем трем заявителям имел место, учитывая их роль учредителей и лидеров партии и вынесенный в отношении них запрет выполнять подобного рода обязанности в любой другой политической группе (см. п. 10 выше).

2. Было ли вмешательство оправданным?

37. Подобное вмешательство является нарушением ст.11, если только оно не было «предписано законом», не преследовало одну или более правомерных целей в соответствии с пунктом 2 и являлось «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей.

(а) «[Вмешательство] предусмотрено законом»

38. То, что вмешательство было «предписано законом» не оспаривалось ни одной из сторон, так как меры, предписанные Конституционным судом, были основаны на статьях 2, 3(1), 6, 10(1) и 14(1) Конституции и статьях 78, 81 и 96 (3) Закона № 2820 о регулировании деятельности политических партий.

(б) Правомерность целей

39. Правительство утверждало, что вмешательство преследовало ряд правомерных целей: обеспечение национальной безопасности, общественного порядка и территориальной целостности государства, защита прав и свобод других лиц. Если Суд признавал, как в решении по делу Хаджианастассиу против Греции (*Hadjianastassiou v. Greece*) от 16 декабря 1992 г. (серия А № 252), что отдельный эпизод шпионажа мог нанести урон национальной безопасности, существует гораздо больше причин сделать подобное заключение по настоящему делу, когда имелась угроза самому существованию государства, подписавшего Конвенцию.

40. Комиссия проводит различие между несколькими причинами, по которым Конституционный суд вынес решение о роспуске ОКПТ. Относительно того, что вмешательство основывалось на использовании слова «коммунистическая» в названии партии, это не могло, по мнению Комиссии, быть оправдано одной из правомерных целей, упомянутых в ст.11 Конвенции. Более того, Конституционный суд признал, что не существовало ничего, что указывало на намерение ОКПТ игнорировать демократические институты или установить диктатуру. Кроме того, Закон № 3713 о противодействии терроризму, вступивший в силу 12 апреля 1991 г., отменил положения Уголовного кодекса, согласно которым участие в организациях или в деятельности организаций, пропаганды, в частности, коммунистические идеи, являлось преступлением. С другой стороны, относительно того, что факт роспуска был основан на указанном в программе ОКПТ различии между лицами турецкой и курдской национальностей, эта мера, по мнению Комиссии, могла быть применена с целью защиты территориальной целостности и, соответственно, «национальной безопасности». Дело не в том, что ОКПТ являлась террористической организацией или поддерживала терроризм, но она могла считаться

партией, открыто преследующей цель создания независимого курдского государства и впоследствии перераспределения территории турецкого государства.

41. Так же как и Комиссия, Суд считает, что роспуск ОКПТ преследовал, по крайней мере, одну из «правомерных целей», предусмотренных ст.11: защита «национальной безопасности».

(с) «[Вмешательство] необходимо в демократическом обществе»

1. Общие принципы

42. Суд напоминает, что несмотря на свою автономную роль и особую сферу применения, ст.11 должна рассматриваться в свете ст.10 Конвенции. Защита мнений и свобода их выражения является одной из целей свободы объединений и собраний, закрепленной в ст.11 (см., среди прочих источников, решение по делу Юнг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства (*Yong, James and Webster v. United Kingdom*) от 13 августа 1981 г., серия А № 44, с. 23, § 57, и решение по делу Фогт против Германии (*Vogt v. Germany*) от 26 сентября 1995 г., серия А № 323, стр. 30, § 64).

43. Это особенно касается политических партий из-за их важной роли в развитии плюрализма и надлежащего функционирования демократии (см. выше п. 25).

Как многократно указывал Суд, не может быть демократии без плюрализма. Именно по этой причине свобода выражения мнений, закрепленная в ст.10, применима, с условием соблюдения требований части 2, не только в отношении «идей» или «информации», которые встречают в обществе одобрение или считаются безобидными, или вызывают безразличие, но и в отношении такой информации и идей, которые оскорбляют, шокируют и вызывают тревогу (см. в числе прочих источников решение по делу Фогт против Германии, упомянутое выше, стр. 25, п. 52). Тот факт, что их деятельность составляет часть коллективного осуществления свободы выражения мнения, сам по себе наделяет политические партии правом пользоваться защитой ст.ст.10 и 11 Конвенции.

44. В решении по делу Информационсферайн Лентиа и другие против Австрии (*Informationsverein Lentia and Others v. Austria*), Суд описал государство как высший гарант принципа плюрализма (см. решение от 24 ноября 1993 г., серия А № 276, с. 16, § 38). В политической сфере эта ответственность означает, что государство несет обязательство, помимо прочих, проводить, согласно ст.3 Протокола №1, свободные выборы, с приемлемыми интервалами, путем тайного голосования, при соблюдении условий, гарантирующих свободу выражения мнения людей при выборе законодательного органа. Подобного рода выражение мнения представляется невероятным без участия множества политических партий, представляющих различные точки зрения, существующие у населения данной страны. Озвучивая эти различные мнения не только внутри политических институтов, но также – при помощи СМИ – на всех уровнях общественной жизни, политические партии делают незаменимый вклад в политические дебаты, что является основой концепции демократического общества (см. решение по делу Лингенс против Австрии (*Lingens v. Austria*) от 8 июля 1986 г., серия А № 103, стр. 26, п. 42, и по делу Каstellс против Испании (*Castells v. Spain*) от 23 апреля 1992 г., серия А №236, стр. 23, § 43).

45. Демократия, без сомнения, является главным признаком европейского государственного порядка. Это очевидно, во-первых, из Преамбулы к Конвенции, которая устанавливает ясную связь между Конвенцией и демократией, указав, что поддержка и последующая реализация прав человека и основных свобод наилучшим образом

обеспечивается, с одной стороны, эффективной политической демократией, и, с другой стороны, всеобщим пониманием и соблюдением прав человека (см. решение по упомянутому выше делу Класс и другие против Германии, § 59). В Преамбуле также подтверждается, что европейские страны обладают общим наследием политических традиций, идеалов, свобод и верховенства закона. Суд отметил, что в основе этого общего наследия лежат ценности Конвенции (см. решение по делу Соеринг против Соединенного Королевства (*Soering v. United Kingdom*) от 7 июля 1989 г., серия А № 161, стр. 35, § 88); Суд несколько раз отмечал, что Конвенция была задумана с целью сохранения и продвижения идеалов и ценностей демократического общества (см. решение по делу Кьелдсен, Буск Мадсен и Педерсен против Дании (*Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark*) от 7 декабря 1976 г., серия А № 23, с. 27, п. 53, и по упомянутому выше делу Соеринг против Соединенного Королевства, с. 34, п. 87).

Кроме того, статьи 8, 9, 10 и 11 Конвенции требуют, чтобы любое вмешательство в гарантируемые ими права подвергалось оценке с учетом того, что является «необходимым в демократическом обществе». Поэтому единственным видом необходимости, который может оправдать такое вмешательство, является необходимость, возникающая из нужд демократического общества. Демократия, таким образом, является единственной политической моделью, принятой Конвенцией, и, соответственно, единственной с нею совместимой. Суд выделил некоторые положения Конвенции как характерные для демократического общества. Так, в своем самом первом решении Суд постановил, что в «демократическом обществе в значении Преамбулы и других статей Конвенции» судебные разбирательства должны происходить в присутствии сторон и публично, а также что этот фундаментальный принцип закреплен в ст.6 Конвенции (см. решение по делу Лолесс против Ирландии (*Lawless v. Ireland*) от 14 ноября 1960 г. (предварительные возражения и процедурные вопросы), серия А №1, с. 13). В сфере, более близкой к настоящему делу, Суд во многих случаях заявлял, например, что свобода выражения мнений составляет один из важнейших принципов демократического общества и одно из основных условий для его прогресса и самореализации каждого из его членов (см., среди прочих источников, решение по упомянутому выше делу Фогт против Германии, с. 25, п. 52), тогда как в решении по упомянутому выше делу *Мэтью-Мохин и Клерфайт против Бельгии*, он отметил первостепенную важность ст.3 Протокола № 1, которая отражает один из характерных принципов эффективной политической демократии (с. 22, п. 47).

46. Следовательно, исключения, имеющиеся в ст.11 Конвенции, должны быть строго истолкованы, когда речь идет о политических партиях; только убедительные и неопровержимые причины могут оправдать ограничения свободы объединения для таких партий. При определении того, имеется ли необходимость в значении ч. 2 ст.11, у государств есть лишь ограниченная свобода усмотрения, которая находится под строгим наблюдением европейских органов, охватывающим как законодательство, так и решения, принятые на его основе, в том числе и те, которые приняты независимыми судами. Суд уже определял, что подобный строгий контроль был необходим в деле, касавшемся члена парламента, осужденного за нанесение оскорблений (см. решение по делу *Кастеллс против Испании*, упомянутому выше, стр. 22-23, § 42); подобный контроль тем более необходим в случае роспуска целой политической партии и запрета для ее лидеров участвовать в подобного рода деятельности в будущем.

47. При осуществлении Судом такого контроля его задача состоит не в том, чтобы подменить собой компетентные национальные органы, но в том, чтобы проверить на предмет соответствия ст.11 Конвенции решения, вынесенные ими по праву усмотрения. Это не означает, что контроль сводится только к выяснению того, использовало ли государство-ответчик свою свободу усмотрения обоснованно, тщательно и

добросовестно; Суд должен рассмотреть факт вмешательства в свете дела, в целом, и определить, «соответствовало ли оно преследуемой правомерной цели», и являются ли причины, приведенные местными властями для оправдания вмешательства, «уместными и достаточными». При этом Суд должен убедиться в том, что местные власти применяют стандарты, соответствующие принципам, перечисленным в ст.11, и, более того, что они опирались на приемлемую оценку относящихся к делу фактов (см., *mutatis mutandis*, решение по делу Джерсилд против Дании (*Jersild v. Denmark*) от 23 сентября 1994 г., серия А № 298, стр. 26, п. 31).

2. Применение принципов к настоящему делу

(i) Доводы сторон в Суде

Заявители

48. Заявители утверждают, что причины, названные Конституционным Судом для роспуска ОКПТ, необоснованны. По их мнению, существовало противоречие в том, что политическая партия была подвергнута санкциям в июле 1991 г. за использование в своем названии слова «коммунистическая», когда, с одной стороны, с апреля 1991 г. деятельность, основанная на коммунистической идеологии, не была преступлением, а с другой стороны, Конституционный суд сам согласился с тем, что ОКПТ не стремилась к доминированию одного социального класса над другим, и что ее устав и программа соответствовали демократическим принципам.

Что касается сепаратистской деятельности, в которой правительство обвиняет ОКПТ, заявители утверждают, что для подобного рода обвинений не было оснований ни в партийных документах, ни в заявлениях ее лидеров. Напротив, в уставе партии было четко прописано, что курдская проблема требует справедливого, демократического и мирного решения, а также добровольного сосуществования турецкого и курдского народов на территории Турции на основе равноправия. ОКПТ, таким образом, не выступала против территориальной целостности страны и никогда не поддерживала идеи сепаратизма. Далее, лидеры партии не подвергались уголовному преследованию по статье 125 Уголовного кодекса, согласно которой активная поддержка сепаратизма является тяжким преступлением. Тем не менее, факт состоит в том, что власти считают само использование слова «курд» дискриминацией, хотя проблема такова, что любая партия, пытающаяся решить ее, не могла бы избежать использования этого слова. Существовала проблема, существовали меньшинства, но политические партии не могли упоминать их.

Наконец, в отношении заявления о том, что ОКПТ является террористической организацией, заявители отметили, что партия была распущена спустя всего десять дней после создания, и у нее не было времени для какой-либо деятельности вообще. Будущая деятельность ОКПТ могла быть только предметом догадок, что не является основой для роспуска партии.

Правительство

49. Правительство указало на то, что свобода ассоциаций, как и свобода выражения мнений, не является абсолютной и часто противоречит другим высшим интересам демократического общества. Следовательно, рамки усмотрения должны были определяться на основании правомерной цели, которая преследовалась вмешательством, а также контекста обстоятельств дела. В этом отношении правительство ссылалось на решение по делу Уингроув против Соединенного Королевства (*Wingrove v. United Kingdom*) от 25 ноября 1996 г. (Отчеты 1996-V), в котором Суд проведя оценку фактов, принял во внимание необходимость, вызванную историческим контекстом.

Если бы устав и программа ОКПТ были проанализированы подобным образом, настоятельная необходимость наложить оспариваемые в суде ограничения при таких обстоятельствах, когда территориальная целостность и национальная безопасность были под угрозой, была бы признана не только в отношении Турции, но и в отношении любого из государств-членов Совета Европы. На карту были поставлены важные условия для существования государств в международном порядке, условия, гарантированные даже Уставом Организации Объединенных Наций.

Более того, исходя из прецедентного права, там, где вмешательство преследует правомерную цель по защите общественного порядка, территориальной целостности, общественного интереса или демократии, конвенционные органы не требовали, чтобы существовал реальный, непосредственный или неминуемый риск насилия для оправдания вмешательства. В качестве источника данного утверждения правительство сослалось на решения, в которых Комиссия признала неприемлемыми дела Х. против Австрии (заявление № 5321/71, Собрание решений 42, с. 105), Т. против Бельгии (заявление № 9777/82, DR 34, стр. 158) и *Association A. и H.* против Австрии (заявление № 9905/82, DR 36, стр. 187). Кроме того, в двух делах в отношении Германии Комиссия согласилась с тем, что ограничения свободы выражения мнений могли быть оправданы соображениями национальной безопасности в отсутствие необходимости определения, привела ли реализация свободы выражения мнения к каким-либо практическим последствиям. Наконец, в деле Пурселл и другие против Ирландии (*Purcell and Others v. Ireland*) Комиссия приняла во внимание террористическую угрозу и общественный интерес по противодействию этой угрозе (заявление №15404/89, РО 70, стр. 262).

Во всех этих делах само содержание выраженных мнений было признано достаточным для формирования вывода, что ограничения должны были быть применены без необходимости выявления текущего риска насилия или связи с актом насилия прямо вызванным использованием соответствующего выражения. С другой стороны, в решениях по делу Хэндисайд против Соединенного Королевства (*Handyside v. United Kingdom*) от 7 декабря 1976 г. (серия А № 24), по делу Санди Таймс против Соединенного Королевства (*Sunday Times v. United Kingdom*) № 1 от 26 апреля 1979 г. (серия А № 30), и по делам Лингенс против Австрии и Кастеллс против Испании, упомянутым ранее, во всех из которых Суд признал нарушение ст.10, обсуждавшиеся публикации не подвергали сомнению само существование государства и демократического порядка.

Иными словами, столкнувшись с вызовом основным интересам национального сообщества, таким как национальная безопасность и территориальная целостность, власти Турции ни в коей мере не вышли за пределы рамок усмотрения, предоставленных им Конвенцией.

Комиссия

50. В ходе слушаний в Суде представитель Комиссии в порядке предварительного замечания особо отметил разницу между реализацией незаконной программы и программы, единственной целью которой являлось внесение изменения в закон. Хотя иногда сложно провести это отличие на практике, объединения, включая политические партии, должны иметь возможность добиваться изменений в законодательстве или в правовых и конституционных структурах государства, при условии, что средства, используемые для этих целей, во всех отношениях законны и демократичны, и что предлагаемые изменения соответствуют фундаментальным демократическим принципам. Комиссия полагала, что правило о том, что свобода выражения распространяется на «информацию» и «идеи», которые оскорбляют, шокируют и вызывают тревогу (см., среди прочих источников, решение по упомянутому ранее делу Хэндисайд против Соединенного Королевства, также применимо к настоящему делу в свете ст.11, так как приказ о роспуске ОКПТ был основан только на основании информации и идей, обозначенных в ее уставе и

программе. Далее, Комиссия отметила, что для оправдания роспуска ОКПТ Конституционный Суд опирался на отрывки, которые составляли лишь малую часть партийного устава. Более того, эти отрывки не содержали призывов к насилию, а наоборот, показывали желание ОКПТ достигнуть своих целей – даже в отношении положения курдского населения – демократическими способами и в соответствии с турецкими законами и институтами.

(ii) Оценка суда

51. Суд отмечает вначале, что ОКПТ была распущена еще до того, как смогла начать свою деятельность и, таким образом, приказ о роспуске основывался лишь на уставе и программе ОКПТ, которые, тем не менее - и это очевидно из решения Конституционного суда - не содержат ничего, позволяющего предположить, что они не отражали истинные цели партии и истинные намерения ее лидеров (см. ниже п. 58). Как и национальные власти, Суд примет эти документы в качестве основы для проведения оценки необходимости вмешательства.

52. Следует далее отметить, что в защиту вынесения решения о роспуске Главный государственный юрист привел в Кассационном суде четыре аргумента, Конституционный Суд отверг два из них: заявление о том, что ОКПТ намеревалась пропагандировать верховенство пролетариата над другими социальными классами и аргумент, что утверждение о том, что ОКПТ является преемницей ранее распущенной политической партии - Турецкой Рабочей партии - противоречило статье 96 (2) Закона № 2820 (см. выше п. 9).

Суд может таким образом ограничиться рассмотрением двух других аргументов, поддержанных Конституционным Судом.

53. В первом из них утверждается, что ОКПТ включило слово «коммунистическая» в свое название, что противоречит статье 96 (3) Закона № 2820 (см. п. 12 выше).

Конституционный Суд указал, в частности, что данное положение запрещает формирование политических партий на чисто формальных основаниях; лишь сам факт использования названия, запрещенного этой нормой, был достаточен для ее применения и последующего роспуска любой политической партии, которая, подобно ОКПТ, нарушила этот закон (см. выше п. 10).

54. Суд считает, что выбор политической партией своего названия не является в принципе оправданием для такой жесткой меры, как роспуск, при условии отсутствия других относящихся к делу и достаточных обстоятельств.

В этой связи необходимо отметить, во-первых, что 12 апреля 1991 г. положения Уголовного кодекса о наказании за политическую деятельность, основанную, в частности, на коммунистической идеологии, были отменены Законом № 3713 о предотвращении терроризма. Суд также придает большое значение тому мнению Конституционного Суда, что ОКПТ не стремилась, несмотря на название, к доминированию одного социального класса над другими, и что, наоборот, она соблюдала требования демократии, политического плюрализма, всеобщего избирательного права и свободы участия в политике (см. выше п. 10). В этом отношении ОКПТ явно отличалась от Немецкой коммунистической партии, распущенной 17 августа 1956 г. Конституционным Судом Германии (см. решение Комиссии по делу Немецкой Коммунистической партии, цитируемое выше).

Соответственно, в отсутствие конкретных доказательств о том, что, выбрав название «коммунистическая», ОКПТ избрала политику, несущую угрозу турецкому обществу или турецкому государству, Суд не может принять доводы о роспуске партии на основании

названия партии.

55. Второй аргумент, принятый Конституционным Судом, сводился к тому, что ОКПТ стремилась пропагандировать сепаратизм и разделение турецкой нации. Проведя в своем уставе и программе различие между курдской и турецкой нациями, ОКПТ проявила свое намерение добиваться создания меньшинств, которые – за исключением перечисленных в Лозанском Договоре и договоре с Болгарией – несли бы угрозу территориальной целостности государства. Именно по этой причине Конституция запрещает самоопределение и региональные автономии (см. выше п. 10).

56. Суд отмечает, что, хотя ОКПТ ссылается в своей программе (см. выше п. 9) на курдский «народ» и «нацию» и курдских «граждан», она нигде не называет их «меньшинством» и не делает заявлений – кроме как о признании их существования – о применении к ним особого отношения или прав, и тем более об их праве отделиться от остального турецкого населения.

Напротив, в программе заявлено: «ОКПТ будет бороться за мирное, демократическое и справедливое решение курдской проблемы, с той целью, чтобы курдский и турецкий народы могли жить вместе по своей доброй воле в пределах Турецкой Республики на основе равноправия и с целью демократических изменений, основанных на их общих интересах». Что касается права на самоопределение, ОКПТ в своей программе лишь сожалеет о том факте, что из-за применения насилия данное право не «использовалось совместно, а в отдельном и одностороннем порядке» добавляя, что «решение проблемы является политическим», и что «для прекращения притеснений и дискриминации курдского населения турки и курды должны объединяться». ОКПТ в своей программе также заявляет: «Решение курдской проблемы может быть найдено только в случае, если заинтересованные стороны смогут выражать свои мнения свободно, если они согласятся не прибегать к насилию в любой форме с целью решения данной проблемы и если они смогут участвовать в политическом процессе с позиции своей национальной идентичности».

57. Суд полагает, что одной из основных черт демократии является возможность, которую она предоставляет для решения проблем страны путем диалога, не прибегая к насилию, даже в случае многолетних, затянувшихся проблем. Демократию питает свобода выражения мнения. С этой точки зрения не может быть оправданным препятствование политической группе только из-за ее желания участвовать в публичном обсуждении положения, в котором находится часть населения, и в национальной политической жизни с целью поиска решений, способных удовлетворить все заинтересованные стороны, в соответствии с правилами демократии. Судя по программе партии, это и являлось целью ОКПТ в данной области. Именно это отличает настоящее дело от тех, на которые ссылается правительство (см. выше п. 49).

58. Возможно, нельзя исключать того, что программа политической партии или заявления ее лидеров могут скрывать истинные намерения и цели, отличные от провозглашаемых. Чтобы выяснить, что это не так, содержание программы и заявлений должно сравниваться с действиями партии и ее лидеров и с позицией, которую они в целом защищают. В настоящем деле программа ОКПТ вряд ли могла быть подвергнута сомнению практическими действиями партии, так как она была распущена сразу после формирования и, соответственно, не успела предпринять каких-либо действий. Таким образом, к ней было применено наказание за поведение, имеющее отношение только к реализации свободы выражения мнений.

59. Суд готов также готов принимать во внимание контекст рассматриваемых им дел, в

частности, трудности, связанные с борьбой с терроризмом (см., среди прочих источников, решение по упомянутому ранее делу Ирландия против Соединенного Королевства, с. 9 et seq., п. 11 et seq., и Аксой против Турции (*Aksoy v. Turkey*) от 18 декабря 1996 г., Отчеты 1996-VI, стр. 2281 и 2284, § 70 и 84). В настоящем деле, тем не менее, не найдено ни одного доказательства, позволяющего сделать заключение о том, что в отсутствие какой-либо деятельности ОКПТ несла ответственность за проблемы терроризма в Турции.

60. Также нет никакой необходимости применять ст.17 Конвенции, так как в программе и уставе ОКПТ нет ничего, что подтверждает намерение использовать Конвенцию для участия в деятельности или для совершения действий, направленных на упразднение какого-либо из прав и свобод, перечисленных в ней (см., *mutatis mutandis*, решение по делу Лолесс против Ирландии от 1 июля 1961 г. (по существу), серия А № 3, с. 45-46, п. 7).

61. С учетом всего перечисленного, такая жесткая мера как немедленный и постоянный окончательный роспуск ОКПТ, примененная еще до того, как партией была осуществлена какая-либо деятельность, и сочетавшаяся с запретом для ее лидеров заниматься политической деятельностью, несоизмерима преследуемой цели и, поэтому, не является необходимой в демократическом обществе. Из этого следует, что данная мера является нарушением ст.11 Конвенции.